

Ольга горячо любила Новоспасское; часто, бывши замужем, гостила месяцами у матери, а получив его от меня, занялась им серьезно.

Не знаю, улучшила ли она что в нем, но, наверно, ничего не упустила; и, будь она жива, нет сомнения, что оно и теперь осталось бы у нее, — она так глубоко ценила его. Но судьба решила иначе. В 1859 или 1860 году она умерла от дифтерита²², а ее супруг, Н. А. Из-ов, женился вскоре на другой. Он был военный генерал, никогда не занимался хозяйством, жил в столице. Несмотря на то, что Новоспасское несколько сот лет принадлежало Глинкам, равно и на то, что там были погребены вся семья наша и сестра Ольга, его первая жена, оно не было ему дорого: протянув несколько лет, продав лес и проч., он в 1875 году, наконец, продал все имение коломенскому богачу, купцу Федору Тимофзевичу Рыбакову.

Узнав об этом, я хотела немедленно выкупить Новоспасское, но не имела средств, а надо было 60.000 рублей. Рыбаков же в 1879 году разобрал и перевез дом из Новоспасского к себе в Коломну.

И теперь в Новоспасском не осталось камня на камне, и нет следа того, что покойные родители воздвигали с таким старанием и любовью; где потрачено столько сил тружениками крестьянами и дворовыми людьми. С болью в душе вспоминаю об этом. Одно только должно служить мне успокоением — это то, что я исполнила просьбу матери.

Л. И. ШЕСТАКОВА

М. И. ГЛИНКА В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО СЕСТРЫ

I

Брат мой, М. И. Глинка, родился, как известно, в 1804 г.; я же в 1816 г.; именно в тот самый год, когда брат был определен в Петербург в благородный пансион при университете, что ныне Первая гимназия¹. Помню только, как во сне, что на каникулярное время брата привозили иногда в деревню. Впервые же я сознательно помню его, когда он, в 1824 году, молодым человеком уже, приехал к какому-то семейному празднику в деревню: был в синем фраке с бронзовыми пуговицами и привез свой поясной портрет в таком же костюме (портрет у меня и после моей смерти должен поступить в императорскую публичную библиотеку, потому что он был удивительного сходства с оригиналом^{*}). Помню я этот приезд брата по следующей забавной выходке с моей стороны: долго смотрела я на портрет и потом, подойдя к брату, сказала: «братец Мишенька, почему у маленького братца Мишеньки ножек нет, он бы со мною бегал». Помню, что брат засмеялся, взял меня на руки и побежал, сказав: «я с тобой побегаю».

С 1824 по 1829 год брат приезжал несколько раз в деревню на короткое время. В 1829 году, в июне месяце, он приехал в деревню и пробыл до апреля 1830 года. В продолжение этих десяти месяцев, он, несмотря на свою хандру, на свои мнимые и действительные недуги, постоянно занимался со мною науками и музыкою аккуратно два или три часа в день, даже сам набросал для меня уроки из гео-

^{*} Портрет брата, М. И. Глинки, о котором говорится, отдан мною П. М. Третьякову, в его галерею в Москве².—Примечание Л. И. Шестаковой

графии, в которых особенно подробно распространяется об Испании (я подарила их В. В. Никольскому *). Брат мой умел передавать как науку, так и музыку чрезвычайно ловко и я в эти немногие месяцы очень у него успела, а главное он меня приохотил к занятиям (прежде, говорят, я была очень ленива, но после его отъезда за границу, 25-го апреля 1830 года, я начала охотно заниматься переводами и сочинениями). К несчастью, мы жили в такой глуши, что, несмотря на все старание моих родителей, они не всегда могли иметь гувернантку; старшие сестры, иногда, от нечего делать занимались со мною.

Брат пробыл за границей четыре года и постоянно оттуда спрашивал меня о моих занятиях, и я ему давала подробный отчет обо всем, меня касавшемся. Вот эти-то отношения учителя к ученице первоначально сблизили нас.

В 1834 году умер отец и брат возвратился в деревню, где пробыл все лето, за исключением поездки в Москву на короткое время; меня он нашел уже взрослою девицей и всякий день до отъезда в Петербург занимался со мною чтением и музыкой.

Весною 1836 ** года брат женился в Петербурге, а я в то же самое время была выдана замуж в деревне. Здесь я должна пропустить несколько лет.

Как писал брат оперу «Жизнь за царя», как она была поставлена на сцену, можно видеть из его записок, мною изданных на стр. «Русской старины» изд. 1870 г., а также из записок А. Я. Петровой. Потом брат, расставшись с женою, был в Испании и оттуда приехал в деревню летом в 1847 году и до апреля 1848 года мы были уже неразлучны.

Наши несчастные супружества сблизили нас, и мы искренно привязались друг к другу.

Зиму мы прожили в Смоленске (это время описано братом в его записках). В апреле 1848 года он уехал в Варшаву, я отправилась к матушке. Она нуждалась в близком человеке, зрение ее начало видимо слабеть, а я, не имея детей, была свободнее других сестер и к тому же ей приятнее было иметь меня подле себя уже потому, что она знала, как брат меня любит. Я охотно согласилась быть при ней; исполняла должность секретаря, чтеца и всего, что ей было угодно. Она не раз в то время говаривала мне о брате и просила меня беречь его в случае ее смерти. И точно: протянула она недолго, в 1851 году, 30-го *** мая, она скончалась. Я как можно осторожнее уведомила об этом брата, зная, какой он был нежный сын; писала ему и просила его приехать распорядиться делами, но получила известие, что он нездоров и приехать не может. Тогда я, немедленно, отправилась к нему в Варшаву и пробыла у него месяца два; он при мне совершенно оправился и я, по желанию его, выхлопотала ему паспорт за границу, куда он хотел ехать с товарищем своим, испанцем — дон Педро; сама же, в сентябре, возвратилась в деревню и принялась устраивать дела по имению брата. Не прошло и недели с моего возвращения, как получаю от брата письмо из Петербурга, куда он только что приехал. В письме он просил меня не замедлить приехать к нему, потому что он очень болен. В октябре, в этом же 1851 году, я поехала в Петербург, остановилась в училище глухонемых у директора, мужа сестры моей, Флери. Узнав

* География, писанная братом, возвращена мне, по моей просьбе, вдовую В. В. Никольского; в ней описана подробно Италия, в которой брат провел перед этим несколько лет. А в Испании он еще тогда не был. — *Примечание Л. И. Шестаковой.*

** 1835 года.

*** 31-го.

М. И. ГЛИНКА С СЕСТРОЙ Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

квартиру брата, тотчас же поехала к нему: это было вечером, часов в 9-ть; у него были гости: Энгельгардт и другие, но, несмотря ни на что, увидя меня, брат кинулся передо мной на колени и зарыдал как ребенок. Пробыв у брата часа два, я возвратилась в училище глухонемых и на другое утро, прежде чем я встала, брат был у меня и провел у меня весь день и вечер, сильно упрашивая меня остаться всю зиму в Петербурге. Долго не решалась я, а потом придумала средство испытать, будет ли мое присутствие полезно брату. Он занимал крошечную квартирку, но я переехала к нему. Не желая беспокоить ни его, ни Педро, я спала на маленьком диванчике в гостиной, рядом с спальнею брата.

Пробыв у него дней десять, я окончательно убедилась, что мне следует остаться: брат переродился, раздражительность его исчезла, нервы успокоились, он начал заниматься и когда я переехала от него в училище, то он чаще бывал у меня, чем на своей квартире. Тогда, скрытно от него, я поручила отыскать нам квартиру (сама этого сделать не могла, потому что была первый раз в Петербурге). Квартира была найдена на углу Невского и Владимирской, дом Жукова, и 17-го ноября, в день моего рождения, когда брат принес мне подарок, я объявила брату, что квартира уже нанята и что завтра же мы туда переезжаем с тем, что я пробуду с ним всю зиму. Как обрадовался брат этому известию — описать невозможно; весь день был весел, пел, играл, был мил, любезен с гостями так, как он умел быть любезным, когда хотел. Немедленно мы переехали на новую квартиру и нам жилось хорошо (это время подробно описано в его записках).

Что касается музыкальной деятельности брата в этот промежуток времени, то он сочинял немного, а я так мало знала подробностей о его музыке, что не могла ничего предпринять для приведения ее в порядок. Помню только, что брат несколько раз жаловался, что не слышал в оркестровом исполнении своих вещей: «Камаринской», «Ночь в Мадриде» и затем некоторых вокальных. Мне захотелось сделать ему приятное и доставить случай услышать неслышанные еще им его произведения.

Не говоря брату ни слова, я пригласила к себе покойного Карла Богдановича Шуберта, сообщила ему мою мысль, и он охотно согласился устроить концерт Филармонического общества в пользу вдов и сирот. Я же с своей стороны упростила Марью Васильевну Шиловскую и других участвовать в этом концерте, и когда уже было все наготове, я сказала брату. Он с радостью взялся пройти все вокальные сочинения с певицами.

В великом посту был назначен концерт. Мы приехали с братом на генеральную репетицию и только успели войти и сесть с братом, как К. Б. Шуберт начал настоятельно требовать брата на эстраду, чтобы показать настоящий темп. Брат, не подозревая никакой ловушки, отправился по зову, но только ступил на эстраду, как оркестр, положив инструменты, а исполнители и исполнительницы свои ноты — дружным рукоплесканием встретили брата. Он был поражен неожиданностью и глубоко тронут. Многие из стариков артистов обнимали его. Овация была вполне торжественная.

Возвратясь ко мне, со слезами на глазах, брат сказал мне: «помни, что отзывы артистов о моей музыке для меня дороже отзывов и оваций всего мира».

На другой день, концерт прошел очень благополучно, мы с братом сидели на хорах (он не любил выставляться), но несмотря на это, все знали, где сидит брат и все глаза были обращены на него; зал был

благодарить меня за этот импровизированный концерт, принесший вдовам и сиротам музыкантов много пользы³.

Эта зима прошла очень весело, но в мае месяце я должна была уехать в деревню к годовичному поминовению моей матери. В деревне тогда был обычай в годовую день кончины собирать всех родных, знакомых, священников, а после церковной службы кормить и поить всех до отвала; обычай этот уничтожается, да и пора ему! Ужасно неприятно видеть, когда, в день памяти о близком человеке, бесчувственная толпа пьет и ест с радостью.

Мы оттягивали день расставанья с братом до последней возможности. Я упрашивала брата ехать со мною; он решительно не согласился и был прав: живя почти постоянно за границей, вдруг взглянуть на деревенские безобразия крепостного быта того времени было бы для него поразительно и даже невозможно.

Итак, 25-го мая 1852 года, мы расстались; брат с Педро уехал в Париж, а я в деревню⁴, где пробыла до мая 1854 года, постоянно получая от брата письма; более 300-т писем брата к матери и ко мне затеряны в императорской Публичной библиотеке в С.-Петербурге, куда я их переслала через посредство В. В. Стасова, в которых он жаловался на разлуку со мной; помню в одном из этих писем было сказано: «глуп я, что не поверил словам,— гласящим, что от добра добра не ищут; мне было так хорошо с тобою; зачем я уехал?»⁵.

Ранее 1854 года я не могла приехать в Петербург; я начала строить каменную церковь и мое присутствие в деревне было необходимо как по этому делу, так равно и по хозяйственным делам, да к тому же на втором году по приезде в деревню у меня родилась дочь Ольга⁶, крестница покойного брата. Но только я оправилась немного и устроилась, сейчас же, в апреле 1854 года, поехала в Царское село с моей крошечной девочкой (которую я кормила сама) на приготовленную дачу для нас, чтобы встретить там брата, который обещал приехать в начале мая. Действительно, 16-го мая 1854 г. брат приехал из Берлина.

Встречи нашей описывать не буду. О жизни нашей в Царском селе уже сказано мною в заметках моих о последних годах жизни брата.

Мы пробыли в Царском до августа. По переезде в город в дом Томилова, Эртелев переулок, я принялась заботиться о музыке брата. Начала я с того, что вздумала привести в порядок романсы брата. Это было связано с большими затруднениями; брат помнил, что он писал и на Кавказе, и в Москве, и за границей, и в Малороссии, но у кого именно нужно было спрашивать эти сочинения,— он не знал. Мне удалось собрать почти все; брат сам составил список, в котором году он что сочинял, и у меня в книге все романсы расположены по его назначению, и там же его рукой написано несколько строк, которыми он подтверждает, что это приведено в порядок мною (книга эта должна поступить в Публичную библиотеку после моей смерти)⁷.

В 1853 году сгорел Большой театр в Москве и с ним партитуры «Руслана» и «Жизни за царя», так что осталось только по одному экземпляру этих опер в Петербургской театральной дирекции. Брат не раз говорил мне, что он ужасно боится, что и здесь могут сгореть партитуры и тогда его музыка пропадет, а особенно он боялся за «Руслана», и это по двум причинам: он эту оперу больше любил и ставил ее несравненно выше «Жизни за царя», а во-вторых, партитура «Жизни за царя» сохранилась в оригинале, тогда как от партитуры «Руслана» были только небольшие наброски⁸. Видя, как брат серьезно

тревожится этим, я попросила К. Б. Шуберта отрекомендовать мне самого лучшего переписчика из артистов и поручила ему переписать по два экземпляра партитуры «Руслана» и «Жизни за царя». Конечно, это писалось более года; но по окончании этого труда, я, по желанию брата, по одному экземпляру каждой оперы послала в Берлин к Дену, — любимому учителю брата, а другие два отдала Стасовым. Этому моему распоряжению (без хвастовства могу сказать) искусство и публика обязаны, что слышат «Руслана». Забыла в каком году сгорел Мариинский театр в Петербурге и с ним «Руслан». Тогда-то дирекция и брала списывать партитуру «Руслана» у Стасовых.

Мы прожили с братом до 1856 года. В этот промежуток времени он писал, по просьбе моей, некоторые мелочи. Серьезные вещи ему как-то не давались; он все был недоволен ими, начал симфонию «Тарас Бульба» и не закончил ее, начал оперу «Двумужница», но рассердился на либреттиста Василько-Петрова и хотел даже из-за этого немедленно уехать за границу, но мне удалось упросить его остаться еще зиму со мною. Это была последняя зима, что мы были вместе. Брат уехал в Берлин в апреле 1856 года, а в 1857-м, 3-го февраля, его не стало.

II

После кончины моего брата М. И. Глинки, я попросила В. П. Энгельгардта, который ехал за границу, издать там партитуры четырех увертюр брата, а именно: «Жизнь за царя», «Руслан и Людмила», «Арагонская хата» и «Ночь в Мадриде» и посвятить их Мейерберу, Берлиозу, Листу и Дену, кому которую — я уже не помню. Сделала я это по двум причинам: во-первых, потому, что все они сочувственно отзывались о музыке брата, а во-вторых, не скрою, цель моя была также, чтобы узнали за границей музыку брата. Тут же прибавлю, что по закону я имела право получать вознаграждение от всех мест, где исполнялись оперы и вообще сочинения брата, потому что они не были изданы (кроме императорских театров). Но я, имея единственную целью распространение музыки брата, не только не преследовала исполнителей и не брала вознаграждения, а напротив, способствовала им всеми от меня зависевшими средствами. Для этого я распорядилась так: брат, по духовному завещанию, сделал меня единственной наследницей всего движимого и недвижимого имущества своего; я решительно все отдала сестрам, как земли, так и движимости, оставя себе единственно только музыку брата. Мною в этом деле руководил не расчет, потому что братом самим, лет за десять или пятнадцать до его смерти, были проданы за бесценок обе оперы и все лучшие сочинения его. Но цель моя была, чтобы родственники мои, иначе чем я смотревшие на вещи, не были мне помехою действовать по моему усмотрению согласно с словами, слышанными мною от брата. Вот все, что я сделала до 1863 года.

У меня оставались мои небольшие средства; я поселилась с дочерью в маленькой квартире в Петербурге, выезжала только с нею к ее маленьким подругам и совершенно посвятила себя ее воспитанию.

В 1863 году мне было послано новое и последнее испытание: дочь моя, после кратковременной, но тяжелой болезни, умерла 31-го декабря 1863 года. Не буду описывать первого времени после этой катастрофы; да я его и не помню, помню только, что М. А. Балакирев и В. В. Никольский возвратили меня к жизни. Они начали у меня учить бедных детей, которых любила и которым помогала моя девочка, первый — музыке, а второй — наукам; меня это так заинтересовало, что потом у меня долго, долго была в доме постоянная маленькая школа,

и я аккуратно и не без успеха занималась с детьми и не более как года три тому назад (1877 г.) должна была, по слабости своего здоровья, оставить эти занятия.

В это время, когда самое острое горе смягчилось, я начала серьезно думать о музыке брата и, правда, посвятила и посвящаю ей всю жизнь свою.

В 1864 году я просила Д. В. Стасова переговорить с Стелловским и предложить ему выгодное для него условие, чтобы он позволил мне напечатать за границей оперы брата. Стелловский согласился, и я уже упросила М. А. Балакирева ехать за границу для этой цели; дело это Стасов с Стелловским вел на словах, а Стелловский вместо того, чтобы доставить Балакиреву следуемые ноты, на другой же день начал против меня иск, оскорблял меня разными клеветами и взводил на меня разные небылицы, даже грозил посадить меня в смиренный дом. Никто не подозревал тогда, что тяжкий душевный недуг овладел Стелловским и умственные способности начали уже расстраиваться⁹.

Дело с Стелловским затянулось, и не было никакой возможности и думать о печатании партитур, а мне хотелось что-нибудь предпринять в пользу музыки брата и потому, узнав, что чехи очень дружелюбно относятся к музыке Глинки и ставили в Праге «Жизнь за царя», попросила Милия Алексеевича Балакирева ехать туда, взяв с собою партитуру «Руслана». Балакирев проездил довольно долгое время, но не мог ничего сделать, потому что это было время австро-прусской войны 1866 года.

В том же 1866 году, по окончании войны, в сентябре месяце, преследуя свою мысль о постановке «Руслана» в Праге, я запаслась письмом от В. И. Ламанского к Ригеру и поехала в Прагу; в день моего приезда, вечером, Ригер перед спектаклем зашел ко мне и, узнав, что я тоже еду в театр (в тот день давали в первый раз «Проданную невесту» Сметаны), сказал, что после первого акта, с директорами и дирижером, придет ко мне в ложу (надо заметить, что тогда было двенадцать директоров в Праге в чешском театре). Дело о постановке «Руслана» устроилось в десять минут, так что я в тот же день, возвратясь из театра, написала Балакиреву в Петербург об этом. Тут не могу не прибавить, что на этот раз русская пословица неверна: — «у семи нянек дитя без глазу». А у нас есть пример недалекий, где одна нянька не сделает того в десять лет, что сделали чехи в десять минут. Но это к делу не идет; возвратимся к Праге. Один из директоров, а именно Наперсток, заметил, что я в театре восхищалась пением и игрою Иосифа Иосифовича Палечека: он для меня сделал вечер, где я впервые слышала Палечека, — исполнение его партии Сусанина в «Жизни за царя». Что за прелестный тембр голоса был у него тогда, описать нельзя; скажу только, что этот вечер был для меня истинное наслаждение.

Пробыв в Праге дня три, я, с помощью гг. Колара и Патера, осмотрела все замечательное в городе и отправилась обратно в Петербург, где, не теряя времени, через посредство В. В. Стасова, предложила покойному Ивану Ивановичу Горностаеву нарисовать для образца рисунки костюмов действующих лиц в «Руслане», аксессуары и все, что может дать понятие о постановке «Руслана» (эти рисунки подарены мною Публичной библиотеке). И как только они были готовы, М. А. Балакирев отправился с ними, в декабре месяце, в Прагу для постановки на Пражской народной сцене «Руслана».

4-го февраля было первое представление; успех был очень большой и до сих пор эта опера не сходит в Праге со сцены. Недавно еще полу-

чила письмо, что в нынешнем (1880 г.) году возобновлены костюмы и декорации, несмотря на бедные средства театра. Не худо бы нам пример с них брать. За оперы Глинки, не дав ему ни копейки, получено более миллиона, а угощают публику (1880 г.) костюмами засаленными и оборванными,— вот вам и одна нянька.

Но я отдалилась от партитур опер Глинки.

Дело с Стелловским длилось до 1867 года; в этом году, благодаря Д. В. Стасову, оно кончилось в мою пользу, но Стелловский был этим сильно раздосадован и не хотел ничего предпринимать. В скором же времени он окончательно сошел с ума и после его смерти, когда устроились все дела по его завещанию и когда сестра Стелловского, Голубева, дала главному приказчику, г-ну Гаке, полную доверенность, я в 1876 году сделала с ним договор на весьма выгодных для него условиях и, переговора прежде с Редером в Лейпциге, приняла печатание партитуры «Руслана». Условия состояли в нижеследующем: мне дано было позволение напечатать сто экземпляров партитуры «Руслана», из коих 50 я имела право разослать в подарок, кому я пожелаю; остальные 50 передать фирме Стелловского, равно и доски должны быть отданы мною в магазин этой же фирме. Гаке обязывался издать партитуру «Жизни за царя» в 50-ти экземплярах и из них 25 экземпляров предоставить мне. Все эти переговоры и условия делались мною тогда, как я не знала еще, откуда возьму средства для этого предприятия. Сумма нужна была большая, в несколько тысяч, а я не имела лишней сотни в доме.

В. В. Никольский, видя, как я тревожусь, с свойственной ему добротой и деликатностью, предложил мне часть денег на весьма выгодных для меня условиях, а именно: что он не будет брать с меня процентов при жизни, а после смерти моей получит все сполна с моего имения*.

Получа эти деньги, я горячо принялась за дело, поручила его М. А. Балакиреву, который пригласил г. Римского-Корсакова и Лядова. Я получала из Лейпцига от Редера корректуры, рассылала их для поправки и, получа обратно, отсылала в Лейпциг заказными. Я должна сказать правду, что М. А. Балакирев отнесся к этому делу серьезно и с истинною любовью. Тем не менее сколько было тяжелых и неприятных минут, описать невозможно; по три корректуры каждой отдельной части оперы присылалось, а иной и четыре; одна часть была уже совсем напечатана, а между тем пришлось ее перепечатывать заново. Одним словом, неприятностей и забот было столько, что одно беспредельное уважение к памяти брата не дозволило мне бросить этого дела, не доведя его до конца. Занятых мною денег оказалось недостаточно, я заняла еще и, наконец, в 1878 году, 10-го ноября, я получила первый печатный экземпляр партитуры «Руслана» из Лейпцига. Что почувствовала я, взяв этот экземпляр в руки, нет слов выразить! Я забыла все неприятности, все тяжелые часы и была совершенно счастлива.

На другой же день я пригласила к себе вечером всех сотрудников, поставила бюст брата на возвышении, осветила, украсила его цветами и близ бюста разложила партитуру «Руслана»; за ужином, с бокалом в руках, с радостным чувством в душе, сказала:

* Насчет денег, занятых мною для печатания партитур у В. В. Никольского, видя, как он, больной, затрудняется в них, при последней поездке его за границу, я упростила его взять от меня должную сумму и получила от него обратно документ.—
Примечание П. И. Шестаковой

— Миша, сегодня с чистой душой и совестью могу выпить бокал в память твою. Твое желание исполнено,— печатная партитура «Руслана» у ног твоих.

Об этом вечере я вспоминаю с удовольствием; не всякому придется переживать то, что я пережила в это время. Месяц спустя я получила остальные экземпляры партитуры. Разослано мною во все главные европейские консерватории, театры и публичные библиотеки, равно роздано и разослано высокопоставленным лицам и любителям искусства, в России же, в консерватории и публичные библиотеки пятьдесят экземпляров.

Этим кончается моя деятельность относительно музыки брата ¹⁰.

1880 г., февраля 6-го дня
С.-Петербург

П. А. СТЕПАНОВ

ВОСПОМНЕНИЯ О М. И. ГЛИНКЕ

I

В первый раз я встретился с М. И. Глинкою у общего нашего деда Ф. С. Кашталинского, когда я приехал в Петербург определяться на военную службу в 1825 году. Глинка был уже чиновник*; был он маленький, худенький, бледный, но с очень приятною и выразительной физиономиею. Мы скоро сошлись, и нельзя было не полюбить его сразу: образованный ум, увлекательный разговор, приправленный порядочною долей юмора, делали беседу его желательною. Сначала мы видались редко; разные круги знакомых, разные интересы, нас разводили; мы встречались только у некоторых родных и особенно в доме кн. Е. А. Хованской, которой сын кн. Юрий был общим нашим другом. У княгини Хованской были две прекрасные дочери**, для которых она, довольно часто, давала танцевальные вечера, где мы бывали постоянными кавалерами. Из числа молодых людей, усердно подвизавшихся на паркете кн. Хованской, остался на сцене света один только Н. И. Бахметев, начальник придворной капеллы. Я знал, что Глинка пианист, но я не подозревал, что он и композитор. Вечера кн. Хованской мне это открыли. Ему пришла мысль написать французскую кадрили для этих вечеров¹. Скоро музыка была готова, и Глинка отдал ее разучить музыкантам, обыкновенно игравшим у кн. Хованской; когда она была разучена, то Глинка сделал у себя в квартире пробу. Он жил тогда на Загородном проспекте в деревянном доме, который и теперь еще цел². Все мы, приятели Глинки, собрались слушать и были в восторге. В первый, после того, вечер у Хованских мы поехали туда с каким-то волнением, музыка Глинки нам казалась родною. Вот раздаются первые аккорды; пары устанавливаются; я предупреждаю мою даму, что будет новая отличная музыка контрданса, сочиненная молодым композито-

* Он ошибся в своих записках: мы познакомились не в то время, когда он был в пансионе, а когда уже был на службе и жил с Корсаком. — *Примечание П. А. Степанова.*

** Старшая, Софья Сергеевна, была замужем за С. А. Кокоскиным, бывшим обер-полицеймейстером; а младшая, Мария Сергеевна, за Боговухом, сделавшимся потом известным своими воинскими подвигами. — *Примечание П. А. Степанова.*